

Самая прекрасная сказка* (академическая притча)

* Глава из кн.: *Халаджан Н.Н.* *Благородный родитель-педагог.* М., 2000.

Николай ХАЛАДЖАН

Возвысьте домашнее воспитание: оно может всё!

Наверное, знающий что-то человек всегда может поделиться с другим, и из этого простого факта вырастает великое сооружение под названием “Школа”. В смысле истории человечества, нам с вами, уважаемый читатель, повезло, мы родились уже в школьную эпоху. И школа действительно делает доброе познавательное дело. А вот как насчёт своей собственной изюмины: случилось ли вам стать самим собой? Даже если кто-то скажет, мол, не бери в голову, живи как все! Конечно, вам выбирать. Но не отчаивайтесь; если вы задумаетесь над этим когда-то, то знайте, что “самость” наша есть Дом Наш Родительский, который мы неразрывно носим с собой, в чём-то похоже как черепахи. Только не в смысле внешности, а именно духовно, идеалов, убеждений, иногда и образов действий. Что собственно и определяет личность. Это может быть развито школой или загублено, или остаться неколебимо великим маяком на всю жизнь, солнцем, её озаряющим. И эта наша речь не ради дискуссии с воспитателем или воспитуемым. А просто испытание размышлений о восхитительном примере конкретной судьбы домашне воспитанного человека. Он стал знаменем культуры XX века, сегодня его имя славно известно абсолютно каждому цивилизованному землянину, и каждый не против благоговейно прикоснуться к нему, хотя бы мысленно. Но далеко не всем известна столь же великая тайна роли домашнего воспитания, которое благополучно развернулось в его биографии.

Придумывание наречений

... Он безусловно был “мамочкиным сыночком”, но “любимчиком” был бабушкиным. За что-то особенное, может, она его полюбила или просто получила в результате дележа между родителями. Папа, тот сразу определил за собой старшего братика. Другой брат устроился как-то сам по себе. А мама ещё обожала младшую девочку, хотя при этом именно третий ребёнок был очень похож на маму, а дочка — вылитый папа. Но бабушкин выбор никто не оспаривал. Они так и зажили. Удивительным образом всё дальше вовлекаясь в нестыкуемые по интересам свои миры.

Было это в самом начале XX столетия в городе Гранвиле, расположенном на французском берегу Ла-Манша. Семья — весьма состоятельная, хотя и из крестьян. Но к этому времени папа — уже крупный фабрикант, миллионер. С рождением младших детей, а наш герой появился на свет в 1905 году, отец предоставил семье роскошную загородную виллу. Здесь очень скоро и развернулись события, предвосхитившие всемирное торжество интимных сокровищ домашнего воспитания. Не сразу великие, но удивительные с самого начала, что и побудило меня взяться за перо, с трудом сдерживая порыв сразу рассказать о фейерверке триумфального последствия.

... С самого начала бабушка придумала и реализовала свою педагогику. Так, она не говорила годовалому малышу, как называются окружающие его вещи, не учила, а сама повторяла за ним произносимые им звуки, приговаривая себе, мол, пусть так и будет называться предмет или действие, в отношении которого и прозвучало некое “Бе” или “Ме”, или “Се”... Но только чтобы им самим было это сказано, по какому-то лишь ему понятному смыслу. Она и сама стала так говорить и тоже вкладывала в это свой смысл. Этим она просто и естественно поощряла своего любимчика: во-первых, сразу заговорила с ним, а, во-вторых, забаву для обоих обнаружила — вместе и порознь подмечать вокруг забавное и также забавно по-своему называть! И ещё ласкала, целовала... И пошло этак “тайноречью” задушевно разговаривать им, внуку с бабушкой.

А мама, няня и все остальные ничего не понимали, заговорили с ним на своем обычном французском, чем сразу обнаружили несколько удивительных вещей. В результате

его юный мозг сделал первое собственное умозаключение: весь мир двойствен, и вторая, лучшая его сторона совсем никому не известная, а он сам и ещё бабушка могут её открывать, видеть и называть по-своему, своим голосом: "... Сим, сям, лём — пом-пём!.." Впрочем, нам с вами этого тоже не понять, мы не знаем другой стороны мира, и нет у нас на то ни своих глаз, ни собственного голоса. Правда, потом он для всех откроет этот заповедный мир.

Волшебные мамыны цветы

А в три года в их союз с бабушкой вошла мамочка со своим морем цветов, великим домашним цветником, её волшебной страстью с тысячами сказочных видов, каждому из которых, а то и отдельному цветку, так же нужны были новые достойные названия. А мама в высокой степени искусно творила цветочные украшения — различные, в удивительной мозаике букеты настенные, гирлянды для обряжения воздушного пространства, чудесно образуя его и в чарующих запаховых композициях, вызывающих у всех безудержное чувство праздника. Папа же, наоборот, любил только торговлю, ну ещё политику. Ни о чём другом в доме лучше было не говорить. И не говорили!

В захлестнувшем восторге, казалось, жизнь взошла в когда-то слышанную сказку: все смешалось, днём мыслилось, что он во сне, но и ночью звукоцветы были всё время осязаемо в общении с ним. Могло ли быть что-то более восхитительное?! Но оказалось, что всё это был ещё только маленький и лишь мыслимый праздник. Очень скоро его, трёхлетнего, в один прекрасный день взяли на настоящий безбрежный карнавальный праздник города, к тому же длившийся несколько дней, где все — и бабушка, и мама, и он, и все-все вокруг — были обряжены в чудесные маски и невообразимые костюмы; где только они их взяли такие? Участие в гранвильском карнавале и сама особая маска с костюмом почитались за высокую гражданскую доблесть.

И всё это нескончаемо двигалось по улицам на площадь, где каждый день восседали всё новые царствующие Карнавальный король и Принцы пудингов, Пирожные бароны, бесчисленная Карамельная челядь, а также и Заморские именитые гости всех известных и неизвестных фруктов!.. И шли игрища Великанов и Карликов, поединки Пиратов и Разбойников ради Красавицы-Пастушки... И так весь день и ночь до утра, и всё опять снова и снова, когда уже на третий день не понять — это твоя мама или действительно заморская мандаринка, а бабушка, та каждые полдня была всё в другом, и малыш вообще узнавал её только по их тайным звукам...

Золотая бабушкина тайна

Ему несказанно везло, жизнь продолжала награждать его сказочными событиями. Ещё он не очнулся от карнавала, как бабушка устроила ему площадный поединок дома. Не совсем уж размашистый, но неумно торжественный, словно присягу на престол. Так она добивалась клятвы, что он будет верным в её подданстве и никогда и ни под какими обстоятельствами не выдаст теперь уже их совместной тайны, которая даже маме до конца не была известной. И как только непонятная ему клятва была принесена, она взяла его за руку и по крутым лесенкам, отворяя таинственные двери, привела на чердак.

Сразу после яркого света он сделал несколько шагов вперёд и остановился ошеломлённый. Первое впечатление было, что он опять ещё не проснулся. Несколько минут просто стоял, крутил головой и моргал. Кругом всё пространство занимали вешалки и манекены, на которых висели... уже известные ему, узнаваемые, виденные на карнавале костюмы и маски. А бабушка вышла вперед, торжественно стала между ними и, выдержав магическую паузу, спросила: "Ну как?", на что он ещё не знал, что отвечать. Его восторг вдруг оборотился испугом, и первое, что захотелось, — это убежать, спрятаться, но, оглянувшись, видя то же и позади себя, бросился в объятия бабушки. Они так и сели и молчали какое-то время, и бабушка не спеша рассказала, что тайно от всех, но особенно от

папы она шьёт для всех эти костюмы и что уже давно хотела показать их внуку, и что даже предлагает ему тоже заняться этим делом. Только не шить, конечно, а вот рисовать маски и костюмы у него получится, уж больно хороши его личные рисунки. Она и предполагала так, когда дарила ему на день рождения цветные карандаши и акварельные краски. И тут же показала эти раскрашенные им листки, в которых рассмотреть нечто только бабушка и смогла. А он действительно рисовал живые мамочкины цветы и счастлив был, что бабушка их узнала.

Он взглянул на них, поцеловал бабушку, и ему сразу полегчало, даже спохватился за красками сбегать. А она опять тут как тут: достаёт пленерный чемоданчик, раскрывает, и видит он новенькие роскошные карандаши и кисточки, и краски, и баночки с крышечками и с водой...

— Так что, мне, — улыбаясь говорит он, — так сразу и рисовать?

— Так сразу и рисовать! — захлопала в ладоши бабушка... Первый раз они спустились на землю только на пятый день, а потом, регулярно, через неделю: домашние знали, что он с бабушкой, и не беспокоились.

Проба своего пера

Скажите, вы вглядываетесь в детские рисунки? Да! Тогда вам наверняка приходит в голову, что у них у всех есть что-то гениально карнавальное. Например, в них нет деталей, частности, а если и есть что-то маленькое из жизни, то на рисунке оно больше, назидательное, и всё вместе обязательно в галопе, поёт и пляшет! Если и стоит на месте и молчит, так вот-вот немедленно задвигается и подаст голос. Даже если это цветочки большие и маленькие, и ножки у которых, чтобы стоять, а рыльца — чтобы благоухать молча...

Всё точно так вышло и у нашего героя, бабушка оказалась права. Цветочные рыльца на бумажных листах у него очень скоро заулыбались гомоморфной мимикой и норовистым характером: точь-в-точь, что было у него самого на лице и что ему в этот момент ужасно хотелось. И он вслух уже не спрашивал: бабушка подходила, лучезарно кивала головой и немедля подносила любимцу конфету какую или сливку, и так бесконечно. И они хохотали, толкая друг друга, или замирали обнявшись. А он рисовал, рисовал, пел и приплясывал от восторга, и опять рисовал. А бабушка шила и шила свою бесконечную фантазию. Но внезапно, здорово испугав их обоих, всё остановилось и будто замерло перед неминуемой развязкой.

Новый Вавилон

Неудивительно, что когда этих самых на все лады хохочущих цветочных физиономий появились уже многие десятки, что-то должно было произойти. И после короткой перестрелки глазами заговорщиков это произошло: стало ясно, что для новоявленных масок нужны **новые... костюмы!** За версту было видно, что это уже новая, исключительно цветочная стихия некоего нового художественного творения. И было очевидно, что и обряджения им нужны уже совсем другие, ещё более празднично живописные, с совсем другим новым цветочным сказочным языком.

И опять началась схватка с малодушием маленького одного и могучим, вселяющим по меньшей мере оптимизм, в него безмерно влюблённой бабушки. Отсекая все предисловия, она величественно изрекла:

— Вот это и есть самое то для тебя! Репетиции закончились. Ты начинаешь настоящий поединок с убогостью, мужайся, о Победитель!..

Куда тут было деваться, надо было не разочаровать бабушку. Но как, с чего начать, на каком мотиве прикоснуть карандаш к бумаге? То ли дело маски: нарисуй круг, а там уже и всё остальное само поспешает. А здесь другое дело, сначала нужно скроить человеческое тело!

Началась тут взаправдашняя школа: бабушка сказала, что сначала нужно рисовать манекены. И он их рисовал. Но портновские, они все безголовые, да и фигуры схематичные и стоят на тонких жёрдочках. Пришлось самому ему всё остальное дорисовывать: головы, особенно ноги — короткие, длинные, вприсядку, вприпрыжку... В общем, пошло дело, и вскоре действительно-таки появились его первые костюмы! Да ещё вместе и с масками! Он даже не мог сначала без масок. Выходило, что костюм — это лишь продолжение маски, её монолог или даже песня откровения. Правда, потом, когда захлестнула работа и дело пошло на многие десятки костюмов, он уже писал монологи и песни отдельно от масок: да и они, сами маски, уже не вмещались в одну какую-то песню, просили, требовали всё новые и новые. Смешно подумать, но количество костюмов пошло на сотни!..

Но и это было ещё не всё. Весь вместе взятый его хоровод, накопившийся за год, с замиранием сердца ждал своего суда и сурового приговора: а как примет его город, этот грядущий новый живой городской карнавал?!

Да, карнавал принял, да ещё в таком экстагическом восторге, которого до тех пор ещё не знал город, не помнили даже старики. А дети, так вообще визжали от восторга. Только бабушка прослезилась, и её долго не могли успокоить, когда всем городом короновали её маленького внучика. Да он и сам готов был расплакаться: короновали-то в маске, так никто и не узнал, кто он на самом деле. Получилось, что всё это было лишь в сказке, а не в жизни. А бабушка сказала на всю его память: "... Жизнь, это и есть самая прекрасная сказка!" Одно только было очень хорошо, что папа об этом ничего не узнал, он бы ни за что не простил.

Обыкновенный праздник

Наконец, жизнь вошла в свои берега, праздник, он и есть праздник. День за днём, неделя за неделей — маски-костюмы, костюмы-маски, редко украшения какие-либо, а то и царственные носилки с капюшоном, даже дилижансы диковинные, опять маски с костюмами!... И та же райская жизнь с бабушкой. Стали таинственно появляться какие-то люди, в основном женщины и дети, что-то советовали, просили. Он научился понимать, что от него хотят, делать смерки и рисовать индивидуальные наряды. А потом эти люди нещадно тискали его в объятиях и покрывали голову поцелуями, что единственно омрачало нескончаемое веселье линий и цветов. Потом он научился прятаться от благодарностей, и всё восстановилось на годы. Теперь, казалось, только живи и радуйся, от каждого карнавала со всё новыми идеями, рисуй и радуйся!..

А у бабушки уже готовился новый проект: она задумала... Но на сей раз он так и остался неизвестным для нас. Вдруг всё смешалось и опростилось само собой — сразу два вероломных события обрушились на их с бабушкой головы. Он, малыш, оказывается, уже настолько вырос, что ему пора идти в школу. И как бы даже по этому случаю папа покупает дом в Париже, и вся семья переезжает в него. И — здравствуй, столица, но прощай, Гранвиль, прощайте, сказочные карнавалы, его волшебное подданство, прощай великолепный интимный бабушкин чердак! (На счастье отец так ни разу там и не побывал.) Все-все прощайте, простите и вы, дорогой читатель, на какое-то мгновение нам нужно отвести глаза: дайте человеку самому попрощаться с детством.

Аллюр опрощения

Наверное, это был самый печальный пример, когда по вселенскому закону человек делает первый шаг из своей родительской крепости, отчего дома. Но такой уж он тогда пришёлся чуть ли не для половины человечества. Судьба! Вместе с его выходом в школу мир провалился в первую мировую войну. Это и стало его первым мирским университетом. Надо ли нам персонализировать всенародные страдания, гонения, скитания, смерти, отчуждения самого духа человеческого. А те, кто выжили, опустошены, и морально и материально. И всё-таки нужно жить дальше, а молодому — продолжать учёбу, уже пере-

ходить в профессиональную школу.

Несколько поотвыкнув от папочкиной строгости, с тоской вспоминая о гранвильском рае, он мужественно заявляет о своём выборе карьеры художника, даже архитектора. И вызвал небывалую бурю отцовского гнева.

— Никогда не бывать позору моей фамилии, — кричал он распаяясь, — её носителю достойно быть только финансистом, в крайнем случае политиком, — срывающе обрезал он, вышагивая перед переполошённым семейством, отводя заботливые руки с успокоительными лекарствами.

И стало понятно, что юный герой наш пошёл сначала в юридический колледж, а затем на факультет политологии университета. Нет, он не струсил, он просто согласился, что папа хочет ему добра. И с его достойной юридической карьерой всё успокоилось.

Но человечество не уgomонилось первой мировой войной, оно разворачивает вторую, ещё более кровавую, опустошительную, бесконечно растянутую.

Что случается с одним мирным, радующемся солнышку, тянущемся к жизни колоском, когда вокруг сумасбродит пожарище, перемешивая клубы дыма с огнём и вздымающимся пеплом?! Все уже забыли о жизни, о солнце, о благе...

Пройдя и бравурным в полный рост шаганием под оркестры и согнувшись по окопам под пулями, и с потерянными лицом под конвоем с собаками через смерти, госпитали, лагеря перемещённых лиц, напрочь опустошённым он, наконец, возвращается в Париж, в родной дом. Ему без малого уже 41 год. В доме родном он не застал никого. То есть он был полон людей, в нём живущих, переселённых из руин. Но большинства родных вообще уже не было в живых, только средний брат и сестрёнка, по слухам, где-то ещё скитались, и они, может быть, ещё соберутся все вместе. На улице Парижа была холодная и голодная зима 1947 года.

И в жизнь, и в сказку, и к себе

Естественный вопрос: что делать, как жить, где и кем работать? Профессии никакой, на черновую работу не подступишь, предложения рук таких, как он, перекрывают все возможности. До войны он университет не закончил, но продолжать учебу, как и начинать снова, не имело смысла; после стольких лет разбойного юридического бесправия в голове ничего не осталось. Да и где было взять денег на него.

Он уже скитался неприкаянным много дней. Как-то проходя мимо старого студенческого кафе, он остановился у витрины, стесняясь своего вида и отсутствия денег. Уже хотел идти дальше, когда шумно выскочили какие-то мужчины и разом повисли на его плечах, всюду крича его имя. Они, бывшие приятели-студенты, узнали его, наперебой об этом говорили и буквально насильно завели в кафе. Так же задорно они заявили, что угощают, угадывая причину его сопротивления. И вот, после обильной дружеской пирушки, в которую быстро вовлеклись все присутствующие, они гурьбой пешком пошли по ночному Парижу. Пели, выкрикивали имена друзей, смеялись и плакали, а полицейские почтительно отдавали им честь.

Домой он тогда не дошёл, его заташил к себе давнишний задушевный друг, как он сказал, в своё собственное ателье. Оно оказалось небольшой портновской мастерской, которую держал тот, как и он, несостоявшийся юрист. Друг тут же пригласил отойти ко сну и, сбросив обувь, забрался на большой портняжный стол, положив под голову рукавную гладильную подставку. Так же поступил и наш герой.

Друг быстро уснул, а ему не спалось. Он вообще потерял сон. Все время, когда он раньше где-то скитался, ему всегда беспокойно грезился Париж, дом, родные лица. Слава Богу, вернувшись, наконец, сюда, покоя он всё равно не обрёл. Теперь ему всё время снится Гранвиль. И бабушка любимая его! И странное дело, она словно хочет что-то ему сказать, очень важное. Он-то её хорошо знает, тоже по одному взгляду понимает, а тут вот нет. Каждый сон обрывается на том самом месте, когда она в жизни, в Гранвиле хотела

сообщить о новом своем проекте, да так тогда и не сказала ничего. Вот и опять, стоило ему едва забыться, явилась она! И то ли от того, что спал он на портновском столе, то ли действительно услышал вещие её слова, он аж вскочил, ошеломлённый понятием.

Очарованные

Подскочил спросонья и друг его, ничего не понимая, вопросительно таращась на приятеля. И тот после паузы заговорил. Он говорил несколько часов подряд, до утра. Товарищ его горячечно перебивал и тоже говорил. Они уже несколько раз пили кофе, вскакивали и вновь ложились, благо на двери висела с ночи табличка “Закррито”. Они говорили ещё весь день до вечера, когда, наконец, оба упали в сон. Да и во сне продолжали что-то говорить воодушевлённые...

Много ли нам может сказать знакомство с предметом их столь необычного разговора. Для нас с вами это не может быть тайной, после всей предтечи бабушкиных и его увлечений. Ему, преданному внуку, стало ясно, что надо возвращаться в Карнавал, теперь уже Парижский, новый!

И друг его оказался с фантазией, благо, что сам стал портным. И они договорились: бабушкин герой будет рисовать костюмы, много рисовать, а друг взял на себя всё остальное. Но это последнее тоже было задумано с размахом. Так, он взялся добыть, разумеется, в долг, море дорогих тканей, мехов, кожи на обувь, драгоценностей для отделки и украшений. Ещё большую артель отличных портных и сапожников, готовых сутками шить, и тоже в долг. Целый балетный состав для будущих демонстраций с новыми программами репетиций, и тоже в долг. Потом и роскошный дворец, и музыку — тоже в долг. А ещё заказал все лучшие цветники Парижа. И всё это пришло в могучее согласованное движение, подчинённое единой художественной воле: рождался Новый Парижский Карнавал!

Спустя время, ходили слухи, что общий кредит, данный только под имя сына миллионера, составил более 60 миллионов франков. Папа был прав, его имя было очень солидное. А сын, этот всё рисовал день и ночь свой авторизованный гимн красоте, он снова устремился в сказку.

Великое, доброе бессмертие

Разумеется, этому должен был прийти конец. И вот в один пасмурный выюжный день 12 февраля в 10 часов утра небывалое множество людей в серой полувоенной одежде, среди которых мелькали и давно забытые знаки богатых, скопилось перед дверьми в этот дворец на авеню Монтень, 30. Много было и вездесущих журналистов. Все ожидали последних секунд. И ровно в означенное на приглашениях время дворцовые двери распахнулись.

Это был исторический миг. Уже вошедшие в вестибюль были повержены в изумление, будто переступившие рубеж в другое измерение значений и чувств. Здесь сразу их встретил восторг тех самых фантастических “маминых” цветов, букетами в вазах расположенных у ног и гирляндами обвивающих стены, зеркала, парадную лестницу, устремлённо манящую взойти в магическое зеркало жемчужного зала. Юные, в изыск одетые девушки, опрыскивают гостей столь же упоительными духами сказочного цветочного тона. Здесь от каждого предмета, действия ощутимо возрастал восторг небывалой, невообразимой, невозможной красоты и очарования.

Надо сказать о великом эстетическом скачке, совершённом в сознании человечества в результате военных смерчей, вырвавших, смявших и унесших прочь старые банально вычурные представления красивого и благого. Но необходимого нового алгоритма красоты ещё не было, его и представить было немислимо, да никто и не догадывался, что она теперь вообще возможна. И вдруг — вот, явилась: интимно дерзкая, испытующе открытая, какая-то триизячно графичная и вся божественно цветоподобная!! **Восходящий подлинный эталон красоты XX столетия!**

... По подиуму пошли восхитительно новые люди изумляющей новой походкой в прекрасных одеждах. Принципиально новое динамическое прочтение самой красоты тела человеческого, где одежды становятся лишь изысканно декорирующими это тело, голову, руки, ноги, порывы и движения. Манекенчики всё следовали друг за другом, выплескивая всё новую и новую в гранях эту красоту.

А зал немел ошеломлённый. Но со стороны уже можно было наблюдать вышедших из оцепенения людей и даже пришедших в гипнотическое движение, словно на сеансе у мага: вслед за действиями дефилирующих дебютантов, выпрямляясь, вскидывая головы, меняющих к самоуверенности взгляд и вдруг, словно опомнившись, взорвавшихся громом аплодисментов. И в тот же миг на сценической арке лампы солнечно зажгли имя автора всей этой красоты.

Кто-то из читателей великодушно улыбнулся, давно зная, о ком здесь идёт речь, и мы с вами, дорогой открывающий читатель, возрадуемся этому имени: конечно же, это — **Кристиан Диор!** Действительно самый добро знаменитый Человек Планеты, чьё имя стало символом XX века.

Тогда, уже на следующее утро это имя восторженно знал весь Париж, вся Франция, весь цивилизованный Мир. Человечество его сердцем и волей входило в **Мир Новой Высокой Моды, всевещной человеческой красоты и стиля всей новой жизни!** И ещё, конечно же, это его имя стало лучезарным символом драгоценного, всё в мире определяющего домашнего воспитания. Оттуда, из безгранично любящих родительских сердец, лучезарной кометой он прочертил, рассёк чёрное послевоенное небо. И оттуда хлынул яркий свет, и всем снова захотелось жить!